

УРОКИ РЕАЛИЗМА И ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

Поразительно, как личность человека, отдаленного от нас перепадами времени, входит в наши дни, будто он — современник. Да, мы вправе говорить об Иване Николаевиче Крамском, словно о современнике. Более того, подающим нам, современникам, требовательный пример на путях, где мы сегодня спорим, ищем истину, стараемся разглядеть перспективы движения.

Художник, теоретик, идеолог, активный организатор Товарищества передвижных выставок, он был порожден своим временем и очень многое сделал для того, чтобы период его деятельности стал значительным этапом в идейно-художественных завоеваниях русской культуры. Убедительный и последовательный борец за реализм, за идейность, народность и национальность искусства, он сполна обрел себя в тех устремлениях передовой демократической мысли, для которой превыше всего был голос гражданственности, служение правде.

Вот недавно, на российском съезде художников, в разговоре о наследии передвижников, о том, чем ценны для нас их нравственные заветы, прозвучало слово: порядочность. Какое верное слово! Это были люди высочайшей порядочности в своем отношении к искусству, к художническому долгу, обязательствам перед кругом товарищества. Искусство было для них не просто профессией, но исполнением велеаний, о которых великим нашим поэтом было сказано: «Встань, пророк, и виждь, и внемли...». Нет, не забота о себе, но забота о едином деле, не самовыражение, но выражение боли, тревог, забот, надежд своего времени — вот что заключает в себе эта порядочность.

Из нее целиком, как из благородного металла, были отлиты дух, личность Крамского. И за то мы чтим его — не только художника, а одного из светлейших сынов России.

В шестнадцатилетнем возрасте Крамской покинул родной дом, отправился на поиски своего призвания. «Милая живопись! Я умру, если не постигну тебя хоть столько, сколько доступно моим способностям!» — написал он в дневнике. Вспомним историю. По выходе из

академии, после знаменитого «бунта четырнадцати» свою самостоятельную творческую жизнь Крамской и его товарищи начали, организовав Петербургскую артель художников. То, о чем с надеждой, убеждением писал Чернышевский в романе «Что делать?» — о социалистических коммунах товарищей-единомышленников, — стало практическим делом в руках Крамского и его друзей. Сам он был избран старостой артели. И во многом способствовал тому, что эта организация художников сплотила вокруг себя демократические силы искусства, стала пороком к созданию товарищества передвижников, передвижничества. И уже один этот этап его деятельности, одна эта его заслуга перед отечественным искусством рисуют человека, который, говоря словами Чернышевского, принадлежит к людям, образующим «соль соли» земли.

Правда и красота, этическое и эстетическое составляли для Крамского и его сподвижников нерасторжимое целое. И начало этическое, нравственное было в этом единстве основополагающим. Вот почему передвижничество было не просто группой. Передвижничество было идеей. Идеей передовой, мыслящей России, стоявшей в ожидании демократического революционного подъема. Вот его слова: «Только чувство общности дает силу художнику и удесятерит его силы; только умственная атмосфера, родная ему, здоровая для него может поднять личность до пафоса и высокого настроения, и только уверенность, что труд художника и нужен и дорог обществу, помогает созреть экзотическим растениям, называемым картинами. И только такие картины будут составлять гордость племени, и современников и потомков».

Как хотелось бы, чтобы такое понимание гражданственного долга художника пронизало сегодня все поры, наполнило все артерии нашего художественного организма, чтобы каждому из нас, как солнце в окне, сияло одно: вне общественного идеала нет в искусстве красоты. Сколько у нас в искусстве талантливых людей, какая смелая, неуспокоенная входит сегодня в искусство молодежь, но, право, во всем нам пророческий голос — он звучит с тех высоких вершин социального, национального самостояния России, без которых не жить, не измерять свой век на земле!

Его выстрадавшая, главная картина была «Христос в пустыне». Нет, не евангельская притча, но раздумье о том, кто ты — человек перед свершением долга? Кто ты, на путях тернистых и обрывистых, обрешенный себя служению людям?.. Есть в русском искусстве чистейшие кристаллы того, что мы называем идейностью, духовностью творчества, — таким предстает нам Крамской. В свое время шли споры, породил ли критический реализм своего положительного героя. Да, и, быть может, первым здесь стал Крамской. Не его ли портре-

ты явились одной из важных форм самосознания передового русского общества? Это значение портрета хорошо понимал Третяков, когда пополнял свою галерею портретами людей, составляющих совесть России. И нам дорог урок портретиста Крамского — вот как писал он: «За личной жизнью человека... начинается необозримое, безбрежное пространство жизни общечеловеческой в ее идее, и там есть интересы, способные волновать сердце, кроме семейных радостей и печалей, печальми и радостями, гораздо более глубокими, нежели обыкновенно думают».

Его любили, ценили товарищи, видя в нем наставника, прозорливца того дела, которое они вели своим искусством. Всевидящий и бескомпромиссный Стасов любовался им, — как везде и во всем, Крамской самостоятелен, нов и могуч. Он открыл талант молодого Васильева — по-настоящему национального русского пейзажиста; он поддержал молодого Репина в его открывательстве глубин народной жизни. Его художническая чуткость была чуткостью социальной, и как созвучны нам его мысли о том, что истинный художник ищет только правды, желает только добра и улучшения, что искусство должно возвышать человека, вливать в него силы, высоко держать душевный строй!

Говорить сегодня о Крамском — значит говорить о реализме, о большой форме в искусстве. Уроки Крамского — все они против омертвленных схем, за новизну творчества, которая подсказывается художнику динамикой самосознания общества. Уроки Крамского — это высочайшая требовательность, не зря он повторял, что если в картине не окажется живописных достоинств, то такая картина отправляется на чердак. Но чаще всего давайте помнить его слова: «Нужен голос, громко, как труба, провозглашающий, что без идеи нет искусства, но в то же время, и еще более того, без живописи живой и разительной нет картины, а есть благие намерения, и только. Вот что нам теперь нужнее всего».

Он послужил Отечеству, художник-гражданин, художник жизненной правды — правды и только правды! Славный наш предшественник, он был из тех людей России, кто приближал будущее и видел его свет.

Б. УГАРОВ,
народный художник СССР, президент
Академии художеств СССР.

В Москве, в Малом театре Союза ССР состоялся торжественный вечер, посвященный 150-летию со дня рождения выдающегося русского художника Ивана Николаевича Крамского. Перед собравшимися выступил министр культуры СССР В. Г. Захаров, слово о художнике произнес президент Академии художеств СССР Б. С. Угаров. На вечере присутствовал заведующий Отделом культуры ЦК КПСС Ю. П. Воронов.

ОН ЛЮБИЛ ТО, ЧТО ДОСТОЙНО...

«Художник как гражданин и человек, кроме того, что он художник, принадлежит известному времени, непременно что-нибудь любит и что-нибудь ненавидит. Предполагается, что он любит то, что достойно, и ненавидит то, что того заслуживает».

И. Н. Крамской

В 1907 году 70-летнему Крамскому исполнилось 150 лет со дня рождения Ивана Николаевича Крамского, замечательного художника, одного из организаторов и идейного вождя Товарищества передвижных художественных выставок, педагога и теоретика искусства. Именно тогда жители его родного города Острогожска в Воронежской губернии (здесь он родился в 1837 году, проведя детство и впервые взяв в руки кисть) — член окружного суда В. Седаков и библиотекарь Г. Яковлев — предложили организовать при местном краеведческом музее картинную галерею имени И. Н. Крамского. Большую часть средств собрали всенародно по подписке. А друзья Крамского — И. Репин, В. Поленов, А. Куинджи, В. Маковский и другие, кроме денежных пожертвований, передали городу и своим картины. Дочь Крамского — Софья Ивановна подарила несколько работ отца, более двадцати его ученических рисунков и этюдов. Сын художника — Анатолий Иванович сделал для Острогожска копию знаменитой картины отца «Христос в пустыне». Проект здания галереи подготовил другой сын — архитектор Николай Иванович.

Острогожская картинная га-

лерея имени И. Н. Крамского торжественно открылась в сентябре 1910 года. Наиболее значительным произведением Крамского являлся здесь «Портрет военного инженера Г. Е. Паукера», исполненный в 1882 году, в пору расцвета творчества художника. И. Репин был представлен «Иудой Искариотом», И. Айвазовский — «Неаполитанским заливом», В. Поленов — тремя прелестными этюдами, В. Тропинин — «Стариком-нищим», А. Кившенко — «Портретом В. Г. Чертовой», А. Куинджи и И. Шишкин — величественными пейзажами. К. Лемох написал портрет матери Крамского — Анастасии Ивановны. Лучшее изображение Крамского, здесь представленное, принадлежало ученику его и другу Н. Ярошенко. Ведь Крамской был для него «высшим художественным авторитетом и руководителем во всех начинаниях».

Словом, коллекция Острогожской галереи составила бы честь любому крупному музею. Сюда приезжали со всей России знатоки изящного и поклонники великого таланта Крамского. Галерея стала ярким явлением в отечественной художественной культуре.

Но на ее долю выпало немало чрезвычайных происшествий.

События народа. За грабжей привлекайте к суду. Сообщайте приговоры суда нам».

Теперь текст телеграммы широко известен, как один из важнейших документов, в котором излагается принципиальная позиция Ленина и Советского государства по отношению к культурному достоянию прошлого, художественным богатствам Отечества. Хотя речь в ней идет о ценности, доставленных в Острогожск из брошенных помещичьих имений, она помогла сохранить и экспонаты картинной галереи имени И. Н. Крамского. Благодаря ей военно-революционный комитет передал краеведческому музею ряд исторических вещей, изделия прикладного искусства.

Но самые серьезные испытания выпали на долю музея и галерей в годы Великой Отечественной войны.

**Картины,
пахнущие...**

махоркой

Осенью 1941 года Острогожский музей остается на руках Глеба Николаевича Яковлева.

Да, да, того самого, по чьей инициативе была создана картинная галерея имени И. Н. Крамского. Он же в первые годы Советской власти возглавлял музей, сохранял его богатства, приумножал их. И вот теперь ему, уже немолодому, больному человеку, предстояло все это спасти.

Глеб Николаевич сам сбивал ящики, упаковывал холсты Крамского и его друзей, редкие вещи, изделия прикладного искусства. Затем он перетаскивал ящики на машину, с трудом выпрошенную, и в вагон погрузил. В Воронеж сдал в художественный музей. Уведомил в отчете, отысканном нами в архиве: «Картины в числе 70 отбавлены лично мною и сданы в Воронежский музей для дальнейшей эвакуации».

5 июля 1942 года после двухдневной жестокой бомбардировки фашисты заняли разрушенный, обвешанный пожаром город. Горело и здание музея. Кинулся к нему Яковлев, успев вынести рисунки Крамского, его письма, книги, гравюры! Словом, что под руку попало! А вот до подвала не сумел добраться — был схвачен фашистским патрулем и чуть было не расстрелян на месте. Вещи, иконы, написанные Крамским, несколько его набросков и рисунков гитлеровцы растащили.

Но что же дальше произошло с теми картинами, которые Яковлев вывез в Воронеж? Ведь Воронеж-то также был захвачен врагом... Они были спасены. И заслуга в этом прежде всего директора Воронежского музея изобразительных искусств Анатолия Ивановича Силаева и старшего научного сотрудника Леонида Митрофановича Афанасьева.

Эвакуация была спешной, суматошной. Хлопоты и беготня в поисках мешковины, веревок, гвоздей, ящиков. Главное — ящиков. Еле-еле достали их. Но, правда, из-под... махорки! Как в них уложить шедевры русской живописи? В том числе картины из Острогожской галереи? Противостоит ли? А что сделать? Поэтому укладывали картины в «махорочные» ящики. Но в таких ящиках оказалось мало. Тогда пошли в ход шкафы, стеллажи, витрины, ситы.

Всего собрали в дальний путь 15 тысяч экспонатов.

Вечером 12 ноября 1941 года эшелон с музейными вагонами отправился на восток. Пункт назначения — Омск. Дорога была тяжелой, опасной. В Омск прибыли только 6 февраля 1942 года.

...А в августе 1945 года пришлось правительственное распоряжение вернуть музей в Воронеж. Вечером 15 сентября двинулись домой. Утром 30

сентября прибыли в Воронеж. Со станции ехали в потемках. Афанасьев не узнавал родной город. Кругом громоздились остовы разрушенных, обгоревших зданий. Леонид Митрофанович подумал с тоской: а уместится ли восстановит музей? Да и нужен ли он людям в почти полностью уничтоженном городе? Найдется ли вообще какое-либо место для ящиков с экспонатами?..

Нашлось. Вначале разместили их в трех небольших комнатах одного из уцелевших зданий. К празднику Октября здесь открыли небольшую художественную выставку. И совершенно не случайно на ней были показаны, прежде всего, картины Крамского. Острогожские и свои — из воронежского музея: портреты художника Савицкого, жены и дочери Ивана Николаевича, сына Анатолия Ивановича, прелестный пейзаж «На балконе. Сиверская».

И произошло чудо! Люди пришли. Кажется, все, что жил в это время в разрушенном городе. Когда первые посетители торжественно, взволнованно вошли в зал, словно в священный храм, сняв шапки и разговаривая шепотом, Леонид Митрофанович не смог сдержать слез...

После окончания войны Острогожская галерея была восстановлена, и ее картины вернулись в родной город. Ныне туристы и приезжие с восторгом осматривают замечательные произведения Крамского и его друзей. Удивляются, откуда, мол, они в таком небольшом городке? Не подозревают о той трагической участи, которая им угрожала в годы войн, не ведая о том, как и кем они были спасены.

**Глаза, чтобы
видеть...**

Домик, где родился будущий художник, сохранился в Острогожске. О нем, о том, что его нужно непременно сохранить и сделать музеем, наша газета писала неоднократно лет назад. Но по тогдашней реакции местных властей можно было судить: участь его решена — строению, которому около 200 лет, казалось бы, осталось существовать немного. Но совсем недавно все изменилось. Принято решение — дом сохранить и реставрировать. Хотя, открывшись, это было делом сложным.

Секретарь райкома партии Г. Соболев считает, что Острогожскому здорově повезло — он имеет в художественных ма-

стерских таких энтузиастов, как А. Горшков и М. Паршина. Они оказались мастерами на все руки. Александр, например, сложил в доме Крамского печь. В письме к Репину Иван Николаевич будто бы говорит о нынешних умельцах, которым довелось воссоздавать его родительский кров: «Народ-то что может дать? Боже мой, такой громадный родник. Имей только уши, чтобы слышать, имей только глаза, чтобы видеть...»

Прославившись по трудности музейного строительства, приходили люди, предлагали свои услуги. Безвозмездно город получил уникальную мебель, кухонную утварь. Еще один мастер — И. Говоров покрыл крышу камышом — уже десятилетия, как это умение никому в здешних местах не нужно было. Поставить вокруг дома плетни, некогда привычные здесь, помогают старожилы, молодежь. Надо сказать, что плетни — тоже произведение искусства. Будете в Острогожске, обратите на них внимание.

Научный сотрудник Острогожского краеведческого музея С. Буйлова подготовила экспозицию будущего дома-музея. Она же устроила выставку в зале краеведческого музея, отделом которого, напомним, и является картинная галерея имени И. Н. Крамского. Представлены рисунки Крамского, его письма, письма и рисунки его друзей, старые фотографии.

Светлана Викторовна сетует лишь на то, что выставка могла быть более содержательной, если бы к просьбам Острогожского музея с должным вниманием отнеслись коллеги из Ленинграда и Москвы. Так, с декабря прошлого года сотрудники Ленинградской библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина никак не могут сделать для земляков художника копии его стихотворений. Музей истории и реконструкции Москвы более двух лет обещает выслать фотографии росписей, выполненных Крамским...

Репин говорил, что Крамской «достойн национального монумента...» В день рождения художника в центре Острогожска открывается памятник великому художнику (ленинградские скульпторы В. Горев и В. Бурыкин, воронежский архитектор П. Даниленко). Надо полагать, это — только начало увековечения памяти художника и гражданина на его родине.

Эдуард ЕФРЕМОВ,
Евграф КОНЧИН,
наши спец. корр.
ОСТРОГОЖСК — ВОРОНЕЖ.